

DOI: 10.15372/PNE20180315

УДК 327+2+30+11

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Ю. Сергеев (Филадельфия, США), **А. Н. Чумаков** (Москва, Россия)

Беседа научного редактора серии «Современная русская философия» в голландском издательстве «Брилл», доктора философии, профессора М. Ю. Сергеева (Филадельфия, США) с первым вице-президентом Российского философского общества, доктором философских наук, профессором МГУ А. Н. Чумаковым (Москва, Россия)

Аннотация. В беседе обсуждаются актуальные вопросы религии, глобального мира и современной глобалистики с точки зрения их взаимодействия и взаимной обусловленности. С опорой на широкий исторический материал и реалии современного мира авторы в дискуссионной манере излагают свои несовпадающие позиции по ряду принципиальных вопросов. Рассматривая религию как важнейшую часть любой культуры, они дают экспертную оценку глобальным тенденциям, перспективам культурно-цивилизационного развития, а также трансформации роли и значения религии в жизни мирового сообщества в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, религия, культура, верования, цивилизация, общество, человечество.

GLOBALIZATION AND RELIGION: PROBLEMS AND PROSPECTS

M. Y. Sergeyev (Philadelphia, USA), **A. N. Chumakov** (Moscow, Russia)

Abstract. In the conversation the topical issues of religion, global peace and modern globalism in terms of their interaction and mutual conditioning are discussed. Based on the wide historical material and the realities of the modern world, the authors present their divergent positions on a number of fundamental issues in a debatable manner. Considering religion as the most important part of any culture, they express expert assessments on global trends, prospects for cultural and civilizational

© Сергеев М. Ю., Чумаков А. Н., 2018

Михаил Юрьевич Сергеев – доктор философии, профессор, Темпльский университет (Филадельфия, США).

E-mail: msergeev@comcast.net

Александр Николаевич Чумаков – доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журналов «Век глобализации» и «Вестник Российского философского общества».

E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Mikhail Y. Sergeyev – Ph.D. in Philosophy of Religion, Temple University (Philadelphia, USA).

Aleksandr N. Chumakov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University; leading researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals «The Age of Globalization» and «Bulletin of the Russian Philosophical Society».

development, as well as the transformation of the role and importance of religion in the life of the world community in the context of globalization.

Keywords: globalization, religion, culture, beliefs, civilization, society, humanity.

М. С.: Уважаемый Александр Николаевич, в 2017 г. в голландском издательстве «Брилл» вышла английская версия подготовленного вами в соавторстве с И. В. Ильиным и И. И. Мазуром «Энциклопедического справочника» [1] по глобалистике, в котором собран огромный материал по этой актуальнейшей тематике. Это какая по счету ваша книга о глобализации и глобальных проблемах, стоящих перед человечеством. Расскажите, пожалуйста, в чем заключается ваш подход к глобальным исследованиям?

А. Ч.: Вы говорите не просто о книге, а о первом в своем роде оригинальном справочном издании. Если отвлечься от моих персональных работ в области глобалистики (что могло бы стать предметом отдельного разговора) и сосредоточиться на упомянутой вами книге, то надо заметить, что это особый жанр литературы. Он непосредственно связан с той или иной отраслью знания, с уровнем ее развития и количеством собранной в данной сфере информации. Иными словами, речь идет о словарях, энциклопедиях и справочниках, где суммируются итоги определенного этапа развития науки, обобщаются и систематизируются накопленные знания, приводятся новейшие достижения в какой-либо конкретной области исследования. В таких публикациях также содержится множество иной полезной информации, позволяющей как профессиональному сообществу, так и широкой аудитории почувствовать передний край науки и правильно ориентироваться в вопросах данной темы. Важно отметить, что подобные справочные издания появляются только тогда, когда для этого созревают подходящие условия и возникает объективная необходимость в такого рода литературе. Так, в свое время Аристотель провел уникальную работу по классификации и приведению в порядок научного знания античности; французские энциклопедисты проделали практически то же самое, но уже в Новое время.

Что касается конкретного издания, то оно стало одним из результатов многолетней работы большого международного творческого коллектива – специалистов из различных сфер теоретического и прикладного знания, которые с позиции своих профессиональных интересов исследуют различные аспекты глобального мира, глобализации и ее всевозможных последствий. Совокупность такого рода междисциплинарного знания, приведенная в систему и соответствующим образом оформленная по канонам интеграции современной науки, получила название

«глобалистика», которая в качестве особого научного направления, окончательно сформировалась к началу XXI в.

Именно тогда и назрела потребность в «инвентаризации идей» и приведении в порядок разрозненного знания о глобальной проблематике, накопленного к тому времени в различных сферах науки и практической деятельности. В результате в 2003 г. одновременно на русском и английском языках вышла в свет энциклопедия «Глобалистика», авторами которой стали 445 российских и зарубежных ученых из 28 стран мира [2]. Однако еще оставалась нерешенной задача «инвентаризации» категориального аппарата глобалистики. Иными словами, требовалось привести в порядок и дать выверенные формулировки основным понятиям и терминам нового междисциплинарного знания. Эта задача была решена в процессе работы над международным междисциплинарным энциклопедическим словарем «Глобалистика», который вышел в свет на русском языке в 2006 г. [3]. Подготовка английского издания потребовала дополнительного времени и привлечения к ней уже 647 авторов – известных ученых, философов, общественных и политических деятелей из 58 стран мира. Творческое сотрудничество большого коллектива увенчалось публикацией их совместного труда в 2014 г. в одном из самых авторитетных издательств мира [4].

Наконец, оставалась еще одна нерешенная задача глобалистики: не были систематизированы и приведены в удобный для эффективной работы вид знания о персоналиях, внесших наиболее значительный вклад в глобальные исследования и осмысление процессов и проблем планетарного масштаба; среди множества структур и организаций, появившихся на волне глобальных исследований, необходимо было выделить наиболее важные; из огромного количества специальной литературы, появившейся к этому времени, и значительного количества периодических изданий требовалось посредством экспертной оценки выделить то, что непосредственным образом соотносилось с глобалистикой. Этому и был посвящен энциклопедический справочник «Глобалистика», вышедший в свет на русском языке в 2012 г. (2-е издание вышло в 2016 г.) [5; 6]. Вполне логично, что теперь, продолжая логику предыдущих публикаций на двух языках, вышло в свет английское издание и этой работы, о чем вы как раз упомянули в своем вопросе [1]. Таким образом, выход в свет данной книги стал завершающим этапом в серии обобщающих энциклопедических изданий, которые окончательно подвели итог в формировании и конституировании новой междисциплинарной области научного знания – глобалистики.

К сказанному хотел бы также добавить, что в 2018 г. вышла моя завершающая монография в трилогии [7–9], посвященной общей теории глобализации, над которой я работал более 15 лет.

А. Ч.: Уважаемый Михаил Юрьевич, поскольку мы говорим о глобальных исследованиях и глобализации, позвольте мне в свою очередь обратиться к вам как специалисту по проблемам религии в глобальном мире. Ведь именно этой теме посвящены ваши материалы в упомянутых выше энциклопедии и энциклопедическом словаре, а в энциклопедическом справочнике «Глобалистика» вам и вашему вкладу в исследование данной темы посвящена отдельная статья. Хотел бы заметить и то, что вы являетесь членом Международного редакционного совета журнала «Век глобализации». В этой связи как бы вы кратко сформулировали свой концептуальный подход к религии и определили ее роль и значение на современном этапе исторического развития?

М. С.: В XIX и XX вв. западные ученые предложили ряд научных гипотез, призванных объяснить происхождение и природу религии. Фундаментальные исследования таких мыслителей, как Макс Вебер (1864–1920), Эмиль Дюркгейм (1858–1917), Карл Маркс (1818–1883), Зигмунд Фрейд (1856–1939), Мирча Элиаде (1907–1986) и др. до сих пор изучают на религиоведческих факультетах в университетах США. Многие из этих теорий носили редуccionистский характер, а именно: сводили религию к иным формам общественной деятельности. Один из основателей социологии Эмиль Дюркгейм, к примеру, видел истоки религии в общественной функции человека, склонного к обожествлению коллективного этоса. Карл Маркс соотносил развитие религии с экономическими отношениями. Зигмунд Фрейд проводил параллели между религиозным и невротическим сознанием. Немало ученых полагало, что с дальнейшим развитием науки об обществе религия и вовсе отомрет, поскольку лишена собственного содержания.

Нам, живущим в XXI в., такие прогнозы кажутся наивными. Религия не только не исчезла, но, напротив, бурно развивается. Счет новым религиозным движениям и группам во всем мире идет на десятки, а то и на сотни. Причем с научной точки зрения не столь важно, какие из них «истинны», а какие «ложны». Жизненная необходимость религии и религиозных верований легко подтверждается эмпирическими наблюдениями и объясняется экзистенциальной ситуацией, в которой находится человек. Мы сознаем, что смертны, но не имеем ни малейшего представления о том, что ждет нас по ту сторону бытия. Религия представляет собой мощное средство от этой радикальной неопределенности, преследующей человека всю его жизнь. Причем средство незаменимое, поскольку ни наука, ни искусство, ни какая-либо другая область человеческой деятельности не в состоянии предложить решение проблем, выходящих за пределы нашего повседневного опыта.

В моем подходе к изучению религий я принимаю эти реалии как изначально данные и не стремлюсь наподобие ученых прошлого и позапрошлого столетий выявить истоки религиозной веры, ее сущность или

корни, доказать их истинность или ложность, сводя религиозный опыт к другим формам жизнедеятельности человека. Мой метод сугубо описательный или, следуя философской терминологии, феноменологический. Моя главная идея, навеянная в свое время сочинениями русского мыслителя Константина Леонтьева, заключается в том, что я рассматриваю религию как организм – органическую систему, развивающуюся качественно. Основу этой системы задают священные писания и священное предание. Священные писания обладают абсолютным авторитетом для общины верующих. Священное предание представляет собой истолкование писаний, которое может разъяснять, дополнять или детально анализировать отдельные места из писаний, но не должно, по крайней мере, в теории, противоречить вероучению религии.

В процессе своей эволюции религиозная система проходит через шесть фаз развития: первоначальную, ортодоксальную, классическую, реформистскую, критическую и посткритическую (подробное изложение моей теории религиозных циклов можно найти в моей монографии [10], в которой я даю сравнительный анализ этих шести фаз развития религии применительно к иудаизму, буддизму, христианству и исламу). Первоначальная стадия, длящаяся, как правило, четыре столетия, формирует канон священных писаний религиозной системы. Ортодоксальная – в христианстве эту функцию выполняет православие – закладывает основы священного предания. Последующие классическая и реформистская фазы – в христианской религии это католичество и протестантизм – развивают, обогащают или, наоборот, расчищают застоявшееся предание.

В ходе развития религия переживает два вида кризисов: структурный и системный. Структурный кризис знаменует сомнения в священном предании и его критику, приводящую, как правило, к появлению новых ответвлений в уже существующих религиозных традициях, со своими, альтернативными истолкованиями писаний. Системные кризисы, в свою очередь, приводят к упадку веры в сами писания, и разрешаются поэтому только с возникновением новых религиозных движений, предлагающих своим приверженцам обновленные священные тексты. На мой взгляд, Новое время, отсчет которого мы ведем от европейского Просвещения XVII–XVIII вв., и стало для христианства эпохой такого системного кризиса, или в терминах моей теории – критической фазой своего развития. В последующие два столетия идеология секулярного Просвещения глубоко повлияла и на другие, неевропейские, культуры и религии, и в результате человечество оказалось в ситуации тотального кризиса, а зачастую и полного коллапса религиозного сознания как такового, как в Советском Союзе.

Вот тут мы и подходим к моей главной мысли, которая имеет непосредственное отношение к религиозному измерению глобализации.

Слово «религия» происходит от латинского глагола «religare», который можно перевести как «воссоединять». Отсюда и основная функция религии – объединение людей сначала в масштабе племени (в древних политеистических религиях), потом на национальном (в иудаизме и индуизме), а затем и наднациональном уровнях (в таких мировых религиях, как буддизм, христианство и ислам). Сейчас у складывающейся общечеловеческой культуры возникла насущная потребность в глобалистской религии, которая сумела бы объединить все человечество, дав ему более прогрессивные основы для развития. Потребность эта тем более назрела, что существующие религиозные системы находятся, согласно моей теории, в системном кризисе, который разрешим только с появлением нового религиозного движения.

М. С.: Религия, или культ, на мой взгляд, является основой культуры, которая, в свою очередь, может дать начало различным цивилизационным формам человеческого общежития. Например, христианская культура породила цивилизации Средних веков, Возрождения, Нового времени. В своей книге «Метафизика глобализации» [8] вы тоже анализируете глобальные процессы с позиций культурно-цивилизационной модели. Расскажите, пожалуйста, в чем состоит ваш подход?

А. Ч.: Да, я согласен с вами, что «существующие религиозные системы находятся в системном кризисе», но сомневаюсь в том, что этот кризис «разрешим только с появлением нового религиозного движения». Как вы правильно отметили, «религия или культ является основой культуры». И в самом деле, в основе любой культуры наряду с языком и традициями всегда и непременно находится религия. Можно сказать и несколько шире – верования. Но тогда мы должны признать, что все люди, как и любые их сообщества представляют собой особые, отличные от других культурные системы, которые выделяют, обособляют их, делают уникальными и неповторимыми. Здесь, как мне представляется, заключены естественные, природные корни того культурного разнообразия, равно как и религиозного плюрализма, с которыми мы имеем дело в реальности. Иными словами, культурное разнообразие предопределено самой природой общественных отношений, и потому появление любого нового религиозного движения независимо от того, какого масштаба амбиции в нем будут заключены, культурное разнообразие, как и всевозможные верования (в том числе и взаимоисключающие), никуда не денутся. Отсюда на полный мировой охват, тем более с замещением множества всевозможных и, как правило, взаимоисключающих религиозных взглядов и представлений никакое религиозное движение рассчитывать не может.

Именно это я имел в виду, когда в упомянутой вами книге анализировал процессы глобализации в контексте культурных и цивилизацион-

ных отношений, в которых только и может пребывать любое современное общество и человечество в целом. Важно подчеркнуть при этом, что если в целом культурное разнообразие является обособляющим и дифференцирующим началом между людьми, то, когда дело касается культуры взаимоотношений, а с Нового времени это именуется *цивилизovanностью*, культура (в этом ее качестве) выступает фактором, объединяющим людей. Говоря о цивилизованности, я имею в виду, прежде всего, признание и соблюдение прав человека, толерантность, разделение властей, верховенство закона и равенство всех перед законом. При этом чем более высокий уровень цивилизованности взаимодействующих сторон и чем больший фон общего опыта они имеют, тем более эффективным и плодотворным будет взаимопонимание и взаимодействие.

Возвращаясь к вашему вопросу, мы можем, таким образом, сказать, что каждый человек, каждое сообщество людей, будь то какой-то коллектив, государство или общественное объединение, включая и человечество в целом, представляют собой уникальные, отличные друг от друга культурно-цивилизационные системы. Именно они и взаимодействуют между собой, противоборствуя, враждуя, как уже было сказано выше, в силу несовпадения культур и достигая согласия и взаимопонимания на цивилизационных основаниях.

Таким образом, вступив в эпоху многоаспектной глобализации, когда практически все сферы общественной жизни, включая религию, оказались охваченными глобальными процессами, современное человечество уже не может проигнорировать тот факт, что оно, подобно лоскутному одеялу, буквально соткано из множества разнообразных культурно-цивилизационных систем. Да, вы справедливо отмечаете, что имеется насущная потребность в формировании как общечеловеческой культуры, так и «глобалистской религии, которая сумела бы объединить все человечество». Но мне думается, что никакая религия не в состоянии предложить всему мировому сообществу, представленному бесконечным множеством культурно-цивилизационных систем, нечто приемлемое для всех. Иначе говоря, теперь, когда мы обречены жить в глобальном мире в условиях всеобщей взаимозависимости и постоянного столкновения различных интересов, наиболее приемлемым средством реализации наших целей является перманентный поиск *взаимоприемлемых решений и компромиссов*. Это, по-моему, и должно стать тем, что вы определили как «более прогрессивные основы для развития» человечества. Тогда применительно к религии актуальным становится не поиск какой-то универсальной «глобалистской» религии, а формирование такого планетарного сознания (глобального мировоззрения), которое имплицитно включало бы в себя религиозный плюрализм и толе-

рантность с четким разделением религиозной и светских сфер общественной жизни.

А. Ч.: В качестве собеседника по обсуждаемой теме, вы, Михаил Юрьевич, имеете то преимущество, что, будучи представителем российской культурно-цивилизационной системы, уже много лет живете в США и преподаете в университете историю и философию религии. В этой связи как Вы оцениваете современные религиозные процессы в России и Америке? Есть ли здесь что-то общее, что могло бы стать достоянием общечеловеческой культуры, и что, на Ваш взгляд, является специфическим, характерным только для данных конкретных культурно-цивилизационных систем?

М. С.: Для того чтобы ответить на ваш вопрос, позвольте мне ненадолго вернуться к нашей культурно-цивилизационной дискуссии. Если я вас правильно понял, Александр Николаевич, ваша позиция вкратце сводится к тому, что разнообразие человеческих культур неискоренимо и поэтому не может стать надежным фундаментом для объединения человечества. Вы полагаете, что не культура, а цивилизационные нормы общения между людьми и народами, выработанные на протяжении тысячелетий, способны послужить основой для глобального мировоззрения. На мой взгляд, подход этот имеет несомненные преимущества, но несвободен и от серьезных недостатков.

Прежде всего замечу, что в своих работах вы пишете о «культурно-цивилизационных системах», подчеркивая нераздельность этих компонентов внутри человеческого сообщества. Тут наши взгляды полностью совпадают. Внутренняя культура, формирующая ценностные установки человека или группы людей, находит свое внешнее выражение в определенных цивилизационных нормах, которых этот индивидуум или общество таких, будут придерживаться. Но обратите внимание, что культура в данном примере служит началом, объединяющим людей, в то время как цивилизации, напротив, их разделяют.

Возьмем, как вы и предлагаете, Россию и Соединенные Штаты. Большинство жителей этих двух стран исповедуют одну и ту же религию – христианство. Не будем углубляться в дискуссию о различиях между православием, католичеством и протестантизмом – это только уведет нас от темы разговора. Важно, что и россияне, и американцы поклоняются единому Богу, исповедуют общий символ веры, воспитаны на одних и тех же библейских писаниях и придерживаются одинаковых нравственных норм, провозглашенных Христом в Нагорной проповеди. Что же разделяет эти братские по культуре народы? А разделяют их как раз цивилизационные формы, в которых нашли выражение христианские верования в обеих странах. Христианство ведь, как я уже отмечал, на протяжении своей истории порождало различные общест-

венные конструкции – антично-имперскую, средневековую, а также цивилизации Возрождения и Нового времени. Россия унаследовала от Византии имперскую модель, от которой никак не может отделаться. Америка же позаимствовала у колонистов традицию новоевропейскую, просвещенческую. Вот и получается столкновение цивилизаций, для которого нет мирного разрешения и поныне, не говоря уже о достижении «согласия и взаимопонимания на цивилизационных основаниях».

Судя по вашим высказываниям о «цивилизированности», под которой вы понимаете «признание и соблюдение прав человека, толерантность, разделение властей, верховенство закона и равенство всех перед законом», вы предпочитаете цивилизационные нормы эпохи Просвещения и полагаете, что они могут послужить наиболее эффективной основой для глобального объединения людей. Тут наши взгляды снова совпадают, поскольку я тоже считаю, что современная западная цивилизация – это лучшее, что создало человечество за тысячелетия своего развития. Но посмотрите, насколько тяжело этот тип цивилизации приживается в тех культурах, которые не созрели для его восприятия. Возьмем ту же Россию, которая вот уже несколько столетий мучительно ищет свой путь, то примеряя на себя, а то решительно отвергая западный образ жизни. А ведь Россия, как я уже писал, по своей культуре является неотъемлемой частью Европы, а значит, и Запада. Что уж говорить о радикально иных религиозных и культурных сообществах! Достаточно вспомнить о мусульманских странах или Китае, который, кстати сказать, представляет собой наиболее древнюю и весьма успешную традицию имперского авторитаризма.

Вот и получается, что западный тип цивилизации, навязанный извне чужеродной культуре вместо того, чтобы пустить в ней корни, культуру эту выхолащивает, а подчас и умерщвляет. В этом, на мой взгляд, и состоит глубинная причина такого ожесточенного сопротивления Западу со стороны ино- и нехристианских народов и стран, которое мы наблюдаем вот уже несколько веков. Поэтому объединение человечества на основе западных цивилизационных норм означает прежде всего тотальную войну, а в конечном итоге, формальный мир (если он вообще достигим), ценой которого станет не менее всеохватывающий распад моральных и культурных ценностей.

В этом смысле у молодых религий, стремящихся к формированию глобального мировоззрения, есть ряд преимуществ. Во-первых, они развивают человека изнутри, закладывая фундамент нравственных приоритетов. Во-вторых, будучи созданными уже после эпохи Просвещения, новые религиозные движения делают многие ее постулаты, включая отделение церкви от государства и защиту прав человека, частью своего вероучения, придавая им священный характер и духовную глубину. На-

конец, они вовсе не обязательно претендуют на абсолютную истину, отвергая предшествовавшие религиозные системы и стремясь их переделать или заменить. Как и все в этом мире, религии развиваются, но в отличие от цивилизационных форм, которые, как правило, навязываются извне и силой, а поэтому и недолговечны, духовные реформы рассчитаны на долгосрочную перспективу, начинаются со свободного выбора верующих, а значит, и приносят более надежные результаты.

М. С.: Что касается цивилизационных норм эпохи Просвещения и их распространения, то тут, как мне кажется, у Америки есть преимущество не только перед Россией, но и перед Европой. Европейские страны, включая Россию, основаны на этнической принадлежности и поэтому с трудом абсорбируют в свою культуру эмигрантов. Вы можете получить гражданство Франции, но французом от этого не станете. В Америке же ситуация кардинально иная. США – первое в истории государство, построенное исключительно на принципах Просвещения: разделении властей, отделении религии от государства, защиты прав человека и т. д. Американская самоидентификация не этническая, а идеологическая, можно сказать, философская. Эмигрируя в Америку и получая американское гражданство, вы становитесь таким же американцем, как и все остальные жители этой страны – американцем в первом поколении. Поэтому мультикультурализм, над которым посмеиваются россияне и который не приживается, скажем, в той же Германии, успешно привился в Соединенных Штатах, которые за прошедшие полвека стали представлять собой все человечество в миниатюре. В результате – уникальное религиозное многообразие и «мирное сосуществование» разных народов и культур. Как мне кажется, эта особенность современной Америки выгодно отличает ее от других стран и является общечеловеческим достоянием. А как вам, Александр Николаевич, видится это с российских просторов?

А. Ч.: Российские просторы слишком обширные, чтобы одному человеку говорить с этих позиций. Я выскажу свою, субъективную точку зрения, не претендуя при этом на ее безусловную истинность. Прежде всего, хочу согласиться с вашими оценками относительно «особенности современной Америки», которая «выгодно отличает ее от других стран и является общечеловеческим достоянием». Это действительно так, но вот причины такого положения дел мы видим, кажется, по-разному. Так, в вашем ответе на мой предыдущий вопрос вы говорите, что культура в данном примере «служит началом, объединяющим людей в то время, как цивилизации, напротив, их разделяют». Но я-то как раз считаю, что на самом деле все происходит с точностью до наоборот и именно об этом уже сказал выше. Теперь, очевидно, надо еще раз вернуться к этому вопросу, поскольку он имеет принципиальное значение.

Итак, когда я говорю, что культура *обособляет* и даже *разделяет* людей, я имею в виду то, что любая культура имеет в своем основании три непреложных начала: *язык, верования и традиции*. Это, конечно, не все, что определяет культуру в самом общем смысле этого слова, но это главное. При этом *язык* является центральным стержнем, становым хребтом любой культуры. Уберите язык – и нет культуры. Практически то же произойдет и с утратой *верований* или *традиций*. Понимая культуру в таком ракурсе, мы должны сказать, что сколько народов, говорящих на разных языках, столько как минимум и культур; и все они обособлены друг от друга.

Но люди разных культур и отдельные народы, тем не менее, общаются, взаимодействуют, сотрудничают друг с другом. Происходит это тоже в культурном контексте, но непременно на фоне общего опыта, который включает в себя приемлемые и принимаемые взаимодействующими сторонами нормы и принципы поведения и общения. И это тоже культура – культура отношений между людьми, культура понимания, признания, наконец, уважения позиции и прав другого. Вот эта сторона, этот аспект культуры с легкой руки просветителей стал именоваться, начиная с Нового времени, цивилизованностью. Изначально понятие «цивилизация» появилось как альтернатива «дикости» и «варварству», но со временем оно оказалось перегруженным различными новыми смыслами и до настоящего времени не соотносено должным образом с понятием «культура». Именно поэтому, как уже отмечалось выше, при оценке масштабных общественных проблем я предлагаю использовать синтетическую категорию «культурно-цивилизационные системы». При этом хотел бы заметить, что я не оцениваю различные культуры в категориях: «хорошие», «плохие», «лучше», «хуже», поскольку у меня нет для этого необходимых критериев. А вот понятие «цивилизация» («цивилизация») по сравнению с «варварством», а тем более с «дикостью» означает более высокую и совершенную ступень общественного развития. И вполне справедливо утверждать, что сколь бы ни была несовершенна эта ступень в человеческой истории (и сколько бы ее ни ругали), она лучше, гуманнее, если хотите, человечнее двух других, упомянутых выше.

Но тогда, коль скоро религия – имманентная часть культуры, обособляющей людей, трудно согласиться с тем, что, как вы утверждаете, «и россияне, и американцы поклоняются единому Богу». Тем более не могу разделить ту точку зрения, что россияне и американцы «исповедают общий символ веры, воспитаны на одних и тех же библейских писаниях и придерживаются одинаковых нравственных норм...». И не только потому, что Россия многонациональная и многоконфессиональная страна, да и атеистов в ней хватает. В США также далеко не все христиане. Однако и та, и другая страна – целостные и самодостаточные общественные конгломераты и базируются

на тех цивилизационных основах, принципах (скрепах), которые являются фоном общего опыта, культурой отношений, сформировавшихся в культурной полифонии как России, так и США.

Иными словами, если мы говорим о том, что, например, якуты и чеченцы, татары и калмыки или, с другой стороны, афроамериканцы и выходцы из Европы, китайцы и мексиканцы, переселившиеся в США, живут в соответствующем (одном) целостном и системно оформленном культурном пространстве, то мы имеем в виду только ту составляющую культуры, ту ее сторону, которую именуют цивилизационной. И чем больше совпадений по этому цивилизационному критерию у разных народов, тем лучшим будет их взаимопонимание и более конструктивными их отношения и взаимодействие. А вот их языки, традиции и верования, то есть базовые культурные основания, единению, взаимопониманию и сплочению разных народов никак не способствуют и, более того, тем сильнее вступают в конфликты и противоречия, чем меньше у них совпадений по цивилизационным параметрам (цивилизационным критериям).

Получается (и это хорошо видно на практике), что культурно-цивилизационные системы России и США значительно отличаются друг от друга. И не только по базовым культурным основаниям, но, что самое главное, по цивилизационным меркам, то есть когда дело касается принципов, на которых выстраиваются отношения между людьми: признание, трактовка и соблюдение основных прав человека; установление, интерпретация и соблюдение нравственных и правовых норм, в том числе и общечеловеческих и т. д. А это как раз то, что определяет уровень развития *гражданского общества* и, следовательно, уровень развитости демократических институтов и в целом *демократии* в том или ином обществе.

Таким образом, вы абсолютно правы, Михаил Юрьевич, когда говорите, что западный тип цивилизации тяжело «приживается в тех культурах (а я бы сказал в культурно-цивилизационных системах), которые не созрели для его восприятия». Это именно так, поскольку западный тип цивилизации без должного развития гражданского общества и демократии существовать не может и никаким способом не может быть перенесен на иную почву, тем более, навязан кому-то, живущему по иным принципам. Здесь и кроется неудачная попытка быстрого внедрения идей либерализма и демократии в абсолютно неподготовленной к этому постсоветской России. Как видим теперь, реакция на такой «кавалерийский наскок» западного типа цивилизации не заставила себя долго ждать...

Таким образом, мы имеем в современном глобальном мире не «столкновение цивилизаций», о чем вы говорите вслед за Хантингтоном, а столкновение культурно-цивилизационных систем, что, заметьте, да-

леко не одно и то же. Отсюда не могу согласиться с тем, что мультикультурализм, который и в самом деле не приживается, причем не только в Германии, якобы «успешно привился в Соединенных Штатах». Как следует из моих представлений, «мирное сосуществование» разных народов и культур в США обеспечивается тем, что жители этой страны пребывают в одной цивилизационной парадигме общественных отношений. А общим скрепом для них – выходцев из различных стран и регионов планеты, являются не их различные культуры, а их, если можно так выразиться, общая для всех «цивилизационная огранка», «цивилизационная платформа». Иными словами, речь идет не о принятии или позитивном восприятии иных культур (к ним разные люди могут относиться по-разному), а о признании общих цивилизационных норм и принципов поведения и следовании им в повседневной жизни.

Наконец, отсюда же и мое скептическое отношение к тому, что религия как базовая составляющая культуры может стать не то что надежным, а вообще хоть каким-то скрепом и объединяющим началом для всех народов мира. Она является и должна оставаться частным делом, результатом «свободного выбора верующих», и потому должна быть всегда отделенной от светской жизни людей. Это тем более актуально теперь, когда дело касается всего глобального человечества, представляющего собою на теле нашей планеты пестрое «лоскутное одеяло», сотканное из различных культур, каждая из которых сопряжена с определенной системой верований.

А. Ч.: Обсуждая вопросы глобализации и религии, мы затронули с вами, Михаил Юрьевич, очень важные, но далеко не все аспекты этой предельно актуальной темы. Не исключаю, что мы еще продолжим наш разговор. Теперь же хотелось бы узнать ваше мнение относительно ближайших и отдаленных перспектив роли и значения религии в жизни мирового сообщества, окончательно и бесповоротно вступившего в эпоху многоаспектной глобализации.

М. С.: Следуя вашему примеру, Александр Николаевич, выскажу свою точку зрения в ответ на ваш вопрос. На мой взгляд, начиная с XVIII в. в мире идет не борьба разных цивилизаций или, как вы пишете, культурно-цивилизационных систем, а укрепление и распространение по всему миру цивилизации Нового времени. Идеологическая парадигма Просвещения, сопряженная с экономической индустриализацией и политической демократизацией сметает на своем пути традиционные аграрные общества, державшиеся, как правило, на принципе единовластия в разнообразных его формах. История Нового времени – это борьба цивилизации модерна против всех остальных цивилизаций, и, надо при-

знать, что она необычайно кровава, поскольку сопровождается бесконечными революциями и породила две мировые войны.

Традиционные религии реагируют на вызов Просвещения двояко. Они либо принимают его и адаптируются к новым условиям, либо отвергают и замыкаются на буквально понятом своем вероучении. В первом случае мы имеем дело с либерализмом, который переосмысливает предание в духе последних веяний, во втором – с фундаментализмом, который ведет с модерном войну, в лучшем случае, идеологическую, а в худшем – с оружием в руках.

Любая религия способна на обе линии поведения, как свидетельствует исторический опыт. Протестанты были первыми, кто шел в ногу с прогрессом и заключил союз с секулярным Просвещением. Уже в XVIII в. в Америке «всеамериканский» богослов Джонатан Эдвардс сформулировал основы либеральной теологии протестантизма, разделив сферы разума и чувств и закрепив за второй религиозную функцию. В Европе в XIX в. то же самое проделал германский философ и богослов Фридрих Шлейермахер, которого зачастую называют «отцом современной либеральной теологии». А в начале XX в. в Америке зародился протестантский фундаментализм, бросивший перчатку единоверцам-либералам и отстаивающий незыблемость и исключительность христианского вероучения.

В католичестве реакция на вызов Просвещения тоже была двоякой. На Первом Ватиканском соборе в XIX в. католики отвергли идеологию модерна и проголосовали за догмат о непогрешимости папы по делам веры и морали. Но уже век спустя, на Втором Ватиканском соборе в 1962–1965 гг. ими были приняты решения о модернизации католической веры. Список запрещенных для чтения книг был ликвидирован, церковные службы переведены с латыни на национальные языки, принята декларация о религиозной свободе, и поддержан экуменический и межрелигиозный диалог.

В России либеральное православие нашло воплощение в философских построениях Владимира Соловьёва и его последователей (более подробно о традиции либерального православия в России написано в моей статье [11]), а фундаменталистская, религиозно-националистическая реакция была представлена в творчестве поздних славянофилов – Николая Данилевского и Константина Леонтьева.

Другие мировые религии – иудаизм, буддизм, ислам – тоже неоднозначно реагируют на проект Просвещения, вырабатывая либо модернизированную, либо фундаменталистскую версию своего вероучения. Продолжаться эти процессы, на мой взгляд, будут до тех пор, пока идеология модерна не завоюет весь мир и не приведет к созданию всемирной конфедерации государств. Поскольку идеология эта основана на разуме, а не на ве-

ре, то принцип отделения религии от государства также будет распространен на все или почти все страны мира. Свобода совести и вероисповедания станет краеугольным камнем глобального мироустройства. В этих условиях новые религиозные движения будут расти, как грибы после дождя.

Из истории религий мы знаем, что новым верованиям нужно как минимум четыре столетия, чтобы обрести достаточно приверженцев и крепко встать на ноги, превратившись во влиятельную силу на политической, экономической и культурной аренах. Проект Просвещения берет свое начало с XVII–XVIII вв., а новые религиозные течения, соответственно, с XIX в. Если предположить, что религиозная эволюция не ускорит свои темпы, то весьма вероятно, что в XXII в. наши потомки смогут наконец-то узреть результаты культурной работы, которая была начата европейскими просветителями.

Вот тут и начнется самое интересное. Будет ли в состоянии всемирная конфедерация, построенная на принципах Просвещения, обеспечить прочный мир на планете? Смогут ли новые религиозные движения предложить человечеству не сугубо рациональные, а обновленные духовные основания для планетарного бытия? Эти и многие другие вопросы, требующие решения, встанут перед людьми, прошедшими через горнило Новой истории. И не нам судить, каков будет их выбор. Наши потомки сами разберутся, куда устремить корабль истории, который уже сегодня обрел неоспоримо-глобальные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Global Studies Directory.** People, Organizations, Publications. Edited by Alexander N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Editions Brill. – Boston: Rodopi, Leiden, 2017. – 720 p.
2. **Глобалистика:** энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
3. **Глобалистика:** международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. – СПб. – Н.-Й.: ЕЛИМА: Питер, 2006. – 1160 с.
4. **Global Studies Encyclopedic Dictionary.** Edited by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions B. V. Rodopi. – Amsterdam; New York, 2014.
5. **Глобалистика.** Персоналии, организации, труды: энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Альфа-М, 2012. – 430 с.
6. **Глобалистика.** Персоналии, организации, труды: энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – 2-е изд., стер. – М.: Кнорус, 2016. – 432 с.
7. **Чумаков А. Н.** Глобализация. Контуры целостного мира. –3-е изд. – М.: Проспект, 2017. – 456 с.
8. **Чумаков А. Н.** Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. – 496 с.
9. **Чумаков А. Н.** Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. – 511 с.

10. **Sergeev M.** *Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith.* – Heiden: Brill, 2015. – 161 p.
11. **Sergeev M.** Liberal Orthodoxy: From Vladimir Solov'ev To Fr. Alexander Men // Religion in Eastern Europe. – 2003. – Т. XXIII, № 4. – С. 43–50.

REFERENCES

1. **Global Studies Directory. People, Organizations, Publications.** Edited by Alexander N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Editions Brill. Boston: Rodopi, Leiden, 2017, 720 p.
2. **Global studies: an encyclopedia.** Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazur; Center for research and applied programs of «Dialogue». Moscow: Raduga Publ., 2003, 1328 p. (In Russian)
3. **Global studies: international interdisciplinary dictionary.** Ed. A. N. Chumakov, I. I. Mazur. Moscow; St. Petersburg; New-York: ELIMA: Peter Publ., 2006, 1160 pp. (In Russian)
4. **Global Studies Encyclopedic Dictionary.** Edited by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions B. V. Rodopi. Amsterdam; New York, 2014, 531 p.
5. **Global studies. Personalities, organizations, publications: encyclopedic reference book.** Ed. by I. V. Il'in, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow: Alpha-M Publ., 2012, 430 p. (In Russian)
6. **Global studies. Personalities, organizations, works: encyclopedic reference.** Ed. I. V. Ilyin, I. Mazur, A. N. Chumakov. 2nd ed. Moscow: Knorus Publ., 2016, 432 p. (In Russian)
7. **Chumakov A. N.** Globalization. Contours of an integral world. 3rd ed. Moscow: Prospect Publ., 2017, 456 p. (In Russian)
8. **Chumakov A. N.** *Metaphysics of globalization: cultural and civilizational context.* 2nd ed. Moscow: Prospect Publ., 2017, 496 p. (In Russian)
9. **Chumakov A. N.** *Global world: a clash of interests.* Moscow: Prospect Publ., 2018, 511 p. (In Russian)
10. **Sergeev M.** *Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith.* Heiden: Brill, 2015, 161 p.
11. **Sergeev M.** Liberal Orthodoxy: From Vladimir Solov'ev to Fr. Alexander Men. *Religion in Eastern Europe*, 2003, т. XXIII, no. 4, pp. 43–50.

Accepted by the editors July 30, 2017

Принята редакцией 30.07.2018